

# АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

В древнем Вавилоне  
члены секты  
лунопоклонников  
превращали людей  
в оборотней с помощью  
магического  
камня...

**Наталья АЛЕКСАНДРОВА**

**Тайна багрового  
камня**



Артефакт & Детектив

Наталья Александрова  
**Тайна багрового камня**

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Александрова Н. Н.**

Тайна багрового камня / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,  
2023 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-186825-3

В древнем Вавилоне существовала секта лунопоклонников, члены которой хранили удивительный секрет. Они владели камнем, который магическим образом под воздействием луны превращал человека в кровожадного оборотня. В наши дни ассистентка Лиза работает в маленькой фирме вместе с мужем и свекровью. Спасаясь от неприятностей по работе, которую накликали на нее родственники, она скрывается в доме причудливого мужика Василия, а рядом происходит зверское двойное убийство... Лиза внезапно обнаруживает, что похожее преступление совершается каждые 14 лет... Читайте захватывающий «Артефакт&Детектив» от мастера жанра Натальи Александровой.

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186825-3

© Александрова Н. Н., 2023  
© Эксмо, 2023

# Наталья Николаевна Александрова

## Тайна багрового камня

© Александрова Н.Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Я снова посмотрела на часы.

Была уже половина десятого.

Свекровь сказала, что Михаил приедет от восьми до девяти, а сейчас уже девять тридцать...

Мне было беспокойно, и не оставляло неприятное чувство, что кто-то смотрит в спину. Однако, сколько я ни оборачивалась, мне не удавалось перехватить ничей взгляд.

Мимо меня третий раз прошел сутулый мужичок с бегающими глазами, то и дело выглядывающими из-под надвинутой на лоб кепки. Заметив мой затравленный взгляд, он отвернулся и отошел в сторону.

Я следила за ним из-под опущенных ресниц. Он немного выждал, подошел к дремлющей на скамье тетке и покатил стоящий рядом с ней чемодан.

Слава богу, это обычный вокзальный воришка, а не то, чего я так боялась!

Я хотела уже разбудить тетку, но она сама проснулась, вскочила и кинулась вслед за вором, заполошно крича:

– А ну стой, вору! Отдай чемодан! Отдай, тебе говорят! Отдай! Держите вора!

Воришка бросил чемодан, нырнул в толпу, которая вытекала на перрон из прибывшего поезда, и бесследно исчез.

Тетка схватила свой чемодан, погрозила вслед вору кулаком и вернулась на прежнее место.

А я снова взглянула на часы.

Девять сорок пять.

Да что же это такое... велели мне ни в коем случае не опаздывать, говорили, насколько все серьезно, а сам...

Я снова – который уже раз – огляделась.

На вокзале царил обычная вокзальная суета, люди спешили на посадку, другие выходили в город. Таксисты-частники ловили клиентов. Один из этих таксистов показался мне подозрительным – он только ходил взад-вперед по перрону, не подходя ни к кому из пассажиров, не предлагая свои услуги...

Но тут среди толпы прибывших появился самоуверенный господин в кашемировом пальто, без чемодана, с одним только дорогим винтажным портфельчиком в руке. В толпе суетливых, озабоченных пассажиров он выглядел как акула среди стаи рыб-прилипал.

И тут подозрительный таксист оживился, бросился через толпу к кашемировому господину, деликатно подхватил его под локоток и что-то заискивающе залопотал.

Все понятно, он ждал крупную рыбу, не желая размениваться на вокзальную мелюзгу...

Я снова взглянула на часы.

Десять ноль две.

И снова я почувствовала спиной пристальный, неотступный взгляд...

Нет, больше ждать невозможно!

И все-таки я снова посмотрела на часы. Все сроки прошли. Свекровь сказала, что Михаил будет ждать меня у поезда, но поезд давно ушел. Михаила в нем не было, он не мог пройти мимо меня, он знал, что я его жду.

Что-то случилось. Его что-то задержало. Я вытащила телефон, хоть свекровь и велела мне не звонить мужу. Чужой голос ответил, что телефон выключен или абонент находится вне доступа сети. Ну ясно, ему она тоже велела выключить телефон.

Я перехватила внимательный взгляд мужчины в грязноватой куртке. С виду самый настоящий бомж, каких полно на вокзале, а взгляд слишком цепкий. Он почувствовал, видно, мое настроение, надвинул поглубже кепку и отвернулся. Но, что характерно, не ушел. Значит, пора уходить мне, а то поздно будет.

Я подхватила нетяжелую сумку, еще раз обвела взглядом зал ожидания и пошла к выходу, стараясь не торопиться. Бегущий человек вызывает подозрения, говорила свекровь, хотя на вокзале многие бегут, такое уж место.

Скользнув взглядом по витрине небольшого магазинчика, где продавались напитки, чипсы, батончики и тому подобные мелочи, я увидела, что тот тип в грязной куртке звонит кому-то по телефону. Даже отсюда было видно, что мобильник дорогой. Ага, у бомжа-то...

Сердце у меня замерло. Неужели это они...

Только не паниковать. И не бежать сломя голову. Я остановилась, как будто что-то вспомнив, и свернула в боковой коридорчик, который вел к туалетам. В женском туалете копошилась уборщица – нестарая тетка в синем платке, повязанном кверху концами, так что получались как бы кокетливые рожки.

– Закрыто! – злорадно крикнула она. – Закрыто на уборку!

Я молча вытащила тысячную купюру и помахала ею в воздухе.

– Ладно, – буркнула она, – заходи уж...

И протянула руку, но я спрятала купюру в карман.

– Мне не туда, мне наружу выйти незаметно.

– Чего? – Тетка постепенно набирала обороты. – Наружу? А может, ты воровка, сперла чего, а я тебя покрывать стану? Да я сейчас полицию крикну, у меня тут все знакомые!

Я молча развернулась и пошла прочь. Но не сделала и двух шагов, как тетка деловито сказала мне в спину:

– Не тыща, а три!

– Две! – Я достала две купюры. – Две – или я ухожу! Другой выход найду, ты не одна тут такая...

– Ладно. – Тетка подошла ближе и потянула меня в темный конец коридорчика, где открыла небольшую дверцу. Она выходила во двор, заваленный всяким мусором – ржавыми железяками непонятого назначения, ломаными ящиками, раскисшими картонными коробками. Я с трудом пролезла мимо этих куч и нашла в заборе калитку, вышла на улицу и побежала к дому.

Город у нас не то чтобы большой, но и не совсем маленький. Из общественного транспорта ходят только автобусы. Но я живу в нем с самого детства, поэтому знаю все ходы и выходы, так что всегда могу срезать где надо.

Через полчаса я добежала до дома и остановилась, чтобы унять сбившееся дыхание. Вообще-то бегать я люблю, у меня это хорошо получается, в школе даже призы какие-то брала, но сейчас я сильно нервничала, к тому же нужно было оглядеться.

Улица у нас тихая, дома на ней новые, стоят вплотную друг к другу, и у каждого сзади есть собственный садик. Это очень удобно для Оськи.

Оська – это собака, ему полтора года, в доме мы живем вчетвером: я, муж, свекровь и Оська.

Точнее, я бы поставила Оську после мужа, перед свекровью, но вслух об этом не говорю, сами понимаете почему.

Итак, я внимательно огляделась и не обнаружила возле дома ни незнакомых машин, ни людей. Мишина машина рядом была, моя в гараже, свекровь не водит, кто-то из нас обычно

подвозит ее на работу, потому что работаем мы все в одной фирме. До сегодняшнего дня, во всяком случае, так было. Машины свекровь велела не брать, по ним нас сразу бы нашли, тут я была с ней согласна.

Очень тихо я поднялась по ступенькам и открыла входную дверь своим ключом. В холле горел свет, но никого не было.

– Валентина Павловна! – позвала я, отчего-то мне стало страшно.

– Валентина Павловна! – крикнула я громче.

– Чего кричишь? – На пороге своей комнаты появилась свекровь с телефоном в руке. – Чего шумишь попусту?

– Его не было!

– Кого еще? – процедила свекровь в своей обычной манере.

Она – женщина суровая, неласковая, даже для собственного сына не находится у нее доброго слова, что уж про меня говорить. Но я привыкла не обращать на это внимания и держать себя в руках. Только не сегодня.

– Вы что, не слышали? – заговорила я на повышенных тонах. – Михаила не было на вокзале, я прождала его больше часа, он не пришел. С ним что-то случилось!

Свекровь спокойно убрала телефон в карман халата. У нее странная любовь к теплым плюшевым халатам: штук пять в шкафу висит, она ходит в них все время, в любое время года, дай волю – так и на работу бы их надевала.

– Не ори, – сказала она. – Успокойся.

И тут по ее голосу я все поняла. Не была бы она так спокойна, если бы узнала, что ее сын пропал. Потому что хоть и не проявляла она свою любовь ласковыми словами и подарками, но я знала, что сына она любит. Если бы не любила, то ко мне бы иначе относилась. Я знаю, что свекровь меня терпеть не может, но сейчас это неважно.

– Вы нарочно сказали мне не то время! – закричала я. – Чтобы он меня не дождался и уехал без меня!

Она издала какой-то звук, отчего у меня в голове будто взорвалась молния. Неужели... неужели муж с ней сговорился и они обтяпали это все вдвоем? Не может быть, я не верю...

Очень медленно я повернулась и посмотрела на свекровь.

И все поняла. Ну да, она задумала это, а муж с ней согласился. Она, как всегда, убедила его, что она права и так будет лучше для всех. Для всех – это значит для них двоих. Но не для меня.

Свекровь тоже все поняла по моему лицу, она всегда говорила, что у меня все на лице написано. И теперь она не стала запыряться и врать, да я бы все равно не поверила.

– А ты что думала? – спросила она вроде бы тихо, но было такое впечатление, что она орет. – Ты что себе воображала? Что я пожертвую собственным сыном ради тебя?

– Да почему ради меня?

– Да потому что мне на тебя плевать! – Теперь она уже орала в полный голос, не сдерживаясь. – А он – мой сын. Кровиночка. Больше у меня никого нету! А как вы бежать собирались? На поезде? Да вас на вокзале караулили! Парочка такая приметная – мужик здоровый и баба рыжая! Любой дурак узнает!

– И куда же вы его отослали? – угрюмо спросила я.

– Не твое дело! – рявкнула она. – Сейчас все тебе скажу! Не для того я... – Глаза у нее нехорошо блеснули, и я тотчас заподозрила, что на этом дело не кончится, что эта сволочь свекровь еще что-то задумала.

– Где Оська? – внезапно я осознала, что не вижу собаки.

Уж пес-то прибежал бы ко мне давно, он всегда меня встречает у двери.

Оську я нашла год назад прямо на нашей улице. Он был весь грязный, худой до безобразия и волочил заднюю лапу. Никто из соседей понятия не имел, как щенок очутился на улице.

Я не то чтобы люблю собак, но отношусь к ним спокойно, не боюсь даже питбулей и ротвейлеров. Этот же был непонятно какой – бурый от грязи, и шерсть на боку выдрана.

Свекрови не было дома, иначе она бы и в дверь меня не впустила. А когда вечером она явилась и увидела на кухне это чудо, которое я успела все-таки выкупать и вычесать, то начала орать. Голос у нее такой звучный, что все соседи слышат, – говорила я уже, что дома у нас стоят вплотную друг к другу.

Сосед Викентий называет мою свекровь Иерихонской трубой. Неудобно спросить, что это значит, но, наверное, эта самая труба была очень громкой.

В тот раз свекровь орала, что не позволит держать в доме беспородную блохастую шавку, что мне дай волю, так я весь дом забью кошками, хомьяками и попугаями, жить будет негде.

Это она вспоминает, как мы взяли на передержку кошку моей подруги Элки. Элке срочно нужно было слетать к матери, а кошку никто не брал. И то сказать, кошка оказалась ужасной заразой, разодрала за неделю нам полдивана и нарочно линяла на все свекровские плюшевые халаты. С другой стороны, к этому материалу шерсть очень пристает, вот на джинсах моих она же не оседает... Свекровь тогда ругалась еще месяц после того, как кошку забрали.

Сама не знаю, отчего я проявила тогда с Оськой несвойственную мне твердость. Я осмелилась повысить голос на свекровь и сказала, что дом такой же мой, как и ее, и что я имею право голоса. Она поначалу удивилась и апеллировала к сыну. Он что-то мямлил, как обычно, не хотел портить отношения ни с ней, ни со мной, но тут на шум явился сосед Викентий и спас положение.

Викентий – юрист и знает законы. Поэтому он тут же объяснил свекрови, что дом наполовину мой, так и в договоре сказано.

Когда мы его покупали, то я внесла деньги от продажи своей двухкомнатной квартиры, а свекровь с мужем доложили остальное. Получилась примерно половина.

Дальше Викентий осмотрел найденьша и сказал, что вовсе он не беспородный, а это такая порода, называется бельгийская овчарка. При этом он мне подмигнул, из чего я сделала вывод, что он просто придумал это для свекрови. Еще он сказал, что в конце улицы воры обнесли два дома, а в третий не сумели попасть, потому что помешала собака.

Так или иначе, свекровь согласилась не выгонять щенка на улицу.

Каково же было мое удивление, когда в ветклинике мне сказали, что щенок и правда породистый, именно эта самая бельгийская овчарка. Они определили примерно, что собаке месяцев семь, и выдали мне разрезанный ошейник, на котором было выгравировано имя «Освальд». Чипа не было.

Дальше ему сделали все нужные прививки и дали лекарство от глистов, а в лапу попала заноза и загноилась, так что еще и антибиотики пришлось колоть.

Провозилась я с Оськой – как стала его называть – несколько месяцев, после чего он очень окреп, вырос и правда стал похож на бельгийскую овчарку. И даже свекровь перестала шипеть и плевать ядом, хоть Оська ее и сторонился.

Мы с ним этот год были неразлейвода, так что сейчас я удивилась, что он меня не встречает. И сильно забеспокоилась.

– Где Оська? – подступила я к свекрови. – Куда вы его дели?

Если вы думаете, что она испугалась или хотя бы отвела глаза, то вы не знаете этой женщины. О, моя свекровь не из тех, кто стесняется своих поступков и дел! Она не будет юлить и переваливать вину на других, она прямо выскажет все, что думает.

– Не ори! – Она снова была спокойна. – Не ори и не блажи!

– Где Оська? – заорала я в полный голос. – Куда ты дела мою собаку? Отравила? Усыпила?

Очень мне не понравилось выражение ее глаз. Ведь она же обещала мне, когда я ехала на встречу с мужем, клятвенно обещала, что с собакой ничего не случится! А я-то, дура, нашла кому верить!

Я даже не осознала, что трясу свекровь за плечи и едва не отрываю рукава у отвратительного плюшевого халата.

– Да отстань ты! – Она вырвалась и больно ткнула меня в грудь. – Я твою уличную шавку выгнала, тут такие дела творятся, а я буду о собаке думать!

– Врешь! Ты всегда его ненавидела! И меня нарочно отослала, чтобы его извести!

– Ага... – Внезапно она понизила голос и даже сменила тон. – Мне главное теперь – это сына спасти...

И замолчала, не добавив, что ей плевать на меня и мою собаку. А просто так она ничего не делает и не говорит, уж я-то знаю. У нее явно есть какой-то подлый план.

Через минуту я поняла, что так оно и есть, потому что услышала шум машины. Лицо у свекрови изменилось, теперь на нем проступило злорадное удовлетворение.

– Вот и они, – сказала она, – за тобой приехали.

– Что? Это вы их вызвали? – Я отшатнулась. – Но зачем?

– Затем, чтобы они тебя допросили насчет того, куда их деньги делись!

– Вы что, рехнулись? – оторопела я. – Я же про деньги понятия не имею!

– А это неважно... – усмехнулась она, – пока они тебя допрашивать будут, время и пройдет, Михаил подальше уедет...

Тут я услышала звонок, а потом стук в дверь.

– Открывайте, хозяева! – крикнул грубый мужской голос.

Я, естественно, молчала, онемев от такой подлости свекрови. Ведь ей же прекрасно известно, что это за люди и что живой они меня не выпустят, хоть ничего и не узнают. Да я бы и рада сказать, но понятия не имею, куда делись те проклятые деньги, в глаза их не видела!

– Заснули там, что ли? – В дверь теперь колотили со всей силы.

– Иду, иду! – крикнула свекровь не своим, а каким-то певучим голосом. Наверное, так пели бы черти, раскаляя сковородку. От этого голоса я очнулась и поняла, что надо бежать.

– Куда-а? – закричала свекровь, хватая меня за руку. – Куда это ты собралась? От них не убежишь...

– Пустите... – пропыхтела я, – пустите...

– Да счас! – она схватила меня за плечи и больно сжала, так что ее ногти впились в кожу. Ногти у свекрови длинные и желтые, как собачьи когти, она может ими бутылку открыть, я уж не говорю про канцелярские кнопки.

Я бешено завертелась, пытаюсь вырваться, но не тут-то было. А в дверь уже колотили ногами. Я пыталась нашарить позади себя что-то тяжелое, но ничего не попадалось под руку. Свекровь перехватила меня поудобнее, совсем близко я увидела ее глаза, сверкающие злобой, и, не помня себя, вцепилась зубами ей в руку.

Зубы у меня хорошие, я их жалеть не стала, хотя свекровь везде как монолит. Что руки, что ноги, что голова у этой женщины сделаны из одного очень прочного материала.

Сначала я почувствовала отвратительный вкус пыльной плюшевой ткани, но сжала зубы изо всей силы, и вот уже ткань треснула, и свекровь заорала – видно, я дошла до нее самой. И если вы думаете, что я бросила это дело, то глубоко ошибаетесь. Я сжимала и сжимала зубы, как бульдог, пока не почувствовала во рту вкус крови. И тогда свекровь меня отпустила, а я пробежала холл, заскочила в нашу с мужем спальню и захлопнула за собой дверь.

– Куда? – Это свекровь рванула дверь, едва не схватив меня за куртку, откуда только прыть взялась. – Открой дверь!

– Ага, сейчас! – Я заклинила ручку двери стулом. – Разбежалась!

– Все равно они тебя достанут, дверь только жалко!

Ну дает! Дверь ей жалко, а невестку не жалко! Ну, ясное дело, чего меня жалеть, я ей никто и звать никак. Но я сдаваться не собираюсь, не доставлю свекрови такое удовольствие.

Ступая на цыпочках, я подошла к окну. Дом у нас двухэтажный, на втором этаже две спальни и ванная. Внизу кухня и холл, из которого выходят две комнаты – кабинет мужа и наша общая спальня.

Свекровь спит на втором этаже, а мы на первом, потому что, как я уже говорила, слышимость в наших домах хорошая, соседям и то все слышно, а тут каждую ночь свекровь за стенкой.

Я тогда сразу поставила перед мужем вопрос ребром, и в кои-то веки он со мной согласился. Так что свекровь одна на втором этаже, а во второй комнате мы планировали сделать детскую.

Действительно, это я вроде бы планировала – не сейчас, потом. Но похоже, что планы мои никогда не осуществляются. Ну и ладно, сейчас не об этом нужно думать.

На окна мы все же поставили решетки, это было еще до того, как в доме появился Оська. Хотя я ночью все равно его во двор не выпускала, несмотря на требования свекрови. Раз уж завела собаку, ворчала она, то она должна дом охранять, ночью по двору бегать, жить в будке. Ага, в будке, может, еще на цепь посадить?

Помню, тогда еле удержалась, чтобы не сказать, что хорошо бы свекровь на цепь посадить. Представила воочию, как она из будки выглядывает во дворе, и рассмеялась.

Сейчас я очень тихо растворила окно и потрясла решетку. Дело в том, что парочка винтов, крепящих решетку, держались плохо, один вообще вывалился. Просила я мужа, чтобы он укрепил, да он все собирался. Он вообще-то у меня с ленцой: чтобы заставить его что-то сделать, нужно раз пять напомнить. При том что свекровь всегда рядом, а при ней, сами понимаете, я не могла никаких мер принимать, даже голос на него повесить нельзя было.

Сейчас я осторожно выкрутила винт, потрясла решетку – и два винта выскочили сами: теперь решетку можно было сдвинуть в сторону. Отверстие небольшое, но я девушка стройная, пролезу.

Я сняла куртку и выбросила ее за окно, потом туда же отправила сумку, которая так и болталась у меня на плече. С той стороны дома доносились крики и грохот. Дверь у нас железная, так просто ее не сломать. Потом послышался голос свекрови, которая открыла им дверь.

Вот она заорала – ага, видно, сгоряча кто-то ее стукнул.

– Вам не я нужна! – орала свекровь. – Это она, там она, в комнате!

От злости я нырнула в окно рыбкай, как в воду, удачно приземлилась на четвереньки прямо в клумбу с поздними астрами. Вот не зря культивировала эту клумбу – земля мягкая пригодилась!

Как я уже говорила, парадный, так сказать, вход нашего дома выходит на улицу, а сзади у каждого дома небольшой садик, отгороженный от соседей деревянным забором. У меня в садике есть клумба и кусты, еще летом выставляем столик и стулья, чтобы пить кофе по выходным. Такое, правда, бывает редко.

Сейчас осень, стол убран в сарай, возле забора куча опавших листьев, которые я планировала убрать в выходной, но, разумеется, из-за всех этих событий ничего не сделала. Не вставая на ноги, я прислушалась. Теперь колотили в дверь нашей спальни. Задвижку, я так понимаю, они уже выбили, но стул держался крепко.

Так, пора уходить. Ползком я пересекла дворик, там, в углу забора, был ход на соседний участок. Ход этот прорыл Оська, делал он это неоднократно, сосед Викентий его за это поругивал, но сейчас он уже неделю как в отпуске, так что Оська спокойно гулял по его участку, а мне было недосуг зарыть ход обратно.

Оська – собака крупная: где он пролез, там и я пролезу. Было слышно, как дверь трещит: еще немного – и слетит с петель. Я быстро проползла под забором, втянула за собой сумку и куртку и только хотела выпрямиться, как на меня налетел кто-то, скуля и облизывая.

– Оська! – едва не вскрикнула я в полный голос. – Ты не пропал? Слава богу!

Оська рыкнул негромко что-то неодобрительное: мол, ты за кого меня принимаешь? Ясное дело, я тебя тут ждал, куда я без тебя-то побегу?..

– Осенька, – я почувствовала, как по щекам побежали слезы, – дорогой мой...

Но не время было расслабляться – эти меня тут быстро найдут. Поэтому я надела куртку, взяла Оську за ошейник и подошла к калитке. Дом Викентия смотрел темными глазницами окон, оттуда я ничего плохого не ждала. Из-за забора были слышны неясные крики: очевидно, те люди, которые пришли за мной, все еще сражались с дверью в нашу с мужем спальню.

«Бывшую...» – тут же поправила я, хотя думать о будущем сейчас не совсем уместно.

Калитка у Викентия закрывается изнутри на большой засов, так что я открыла ее без труда и выглянула на улицу. Вроде бы никого, можно идти. Я шагнула вперед, и вдруг чья-то рука схватила меня сзади.

– Куда это ты? – прохрипел непонятно чей голос.

Не глядя, я тут же залепила в сторону голоса сумкой и вроде бы попала, потому что хватка ослабла.

Да, это явно не свекровь, ту так просто не возьмешь. Я вырвалась и повернулась. И увидела перед собой того самого мужика в грязной куртке, которого заметила на вокзале. Вот, значит, кто это такой, поняла я, не случайно он там болтался.

– Стоять! – крикнул мужик, видя, что я изготвилась бежать. – Стой, не то пристрелю!

И точно, в руках у него появился пистолет. Или что там еще... я со страху не разглядела.

– Очень медленно повернулась, – заговорил этот тип, – и пошла. Сумку бросила в мою сторону.

Но не успела я и руку поднять, как что-то огромное и темное пролетело мимо меня и бросилось на мужика – он не сумел не то что выстрелить, а даже понять, что это такое было.

Оська с размаху налетел на злодея, который угрожал его любимой хозяйке, и опрокинул его на спину. Голова мужика стукнулась об асфальт так громко – я даже подумала, что она раскололась.

Пистолет отлетел в сторону. Оська приготовился вцепиться ему в горло.

– Не смей, – тихо приказала я, – он и так уже...

Оська посмотрел на меня укоризненно, но слез с мужика. Тот лежал, закатив глаза к небу, потом едва заметно пошевелился и негромко, мучительно застонал. У меня отлегло от сердца – не хватало еще, чтобы он до смерти расшибся.

Не то чтобы мне было его жалко, но ведь тогда к делу непременно подключится полиция, а такое вовсе не входило в мои планы. Эти люди, что охотятся за мной, с полицией быстро договорятся, и я же буду крайней.

Я отбросила ногой пистолет в канаву, подхватила Оську за ошейник, и мы пустились бежать.

Я знаю все пути-дороги и ходы-выходы в этом городе. Да еще с Оской мы изучили все тропинки и места для прогулок.

Поэтому мы тут же свернули в проулок между домом Федосеевых – у них собака маламут, эти собаки никогда не лают, – проскочили до пустыря и пошли по собачьей тропе.

А там уж вышли на параллельную улицу, прошли немного, затем свернули в переулок мимо долгостроя, пролезли через дырку в заборе и вышли к дому, в котором когда-то жили мы с мамой.

В той самой двухкомнатной квартире, которую я продала, чтобы купить дом. Предполагось, что семейный. И вот зачем я это сделала, до сих пор не могу понять.

И задавала себе этот вопрос неоднократно за последний год, что жили мы вместе. Но ответа от самой себя так и не получила.

Я присела на скамеечку возле дома, чтобы перевести дух и подумать, что же теперь делать. Спрятаться в этом городе я не могу, эти меня везде найдут.

Кстати, и сидеть-то здесь долго тоже нельзя, свекровь прекрасно знает этот адрес, уж она этих бандитов точно сюда прежде всего направит. У подружки Элки тоже не пересидишь – из-за Оськи, у нее же кошка, да и вообще, про нее свекровь может знать, потому что муж видел нас пару раз вместе, а он своей мамочке все рассказывает. Стало быть, нужно бежать из города. Куда – вот вопрос, да все равно куда. Оська со мной, и деньги пока есть, так что не пропадем.

Я потрогала потайные карманы в куртке, куда положила деньги. С ними мне повезло, что уж говорить. Только ехать нужно не на поезде, поскольку на вокзале меня будут караулить, а на автобусе. Далековато до автобусного вокзала, но мы с Оськой добежим.

И только было собралась я в дорогу, как сзади послышался знакомый голос:

– Никак Лизка? Ты чего тут делаешь-то?

– Дядя Гриша! – Я едва не полезла обниматься.

Сколько себя помню, всегда дядя Гриша жил в нашем доме на первом этаже. Раньше у него жена была, потом она умерла, и он завел собаку. Назвал Лолитой в честь известной певицы, говорил, что собака на нее похожа, только не поет.

Маму дядя Гриша помнит, в последние недели помогал мне ее вниз по лестнице спустить, чтобы на лавочке посидеть. В последний раз виделись мы с ним почти два года назад, когда я продавала квартиру, еще телевизор ему наш отдала, муж сказал, что в новый дом все новое купим.

– Ты чего тут? – повторил дядя Гриша. – Соскучилась?

– И это тоже, – рассмеялась я, – а вообще-то... – я показала на Оську, – вот он сбежал, еле поймала.

Оська негодуяще рыкнул от такой моей лжи. Надо сказать, что никогда он от меня не убегал, на прогулке всегда старается держаться неподалеку, не отпускает меня из виду. Один раз я спряталась за дерево, так он в такую панику впал... Но это давно было, вскоре после того, как я его нашла.

Сейчас я незаметно сжала ему челюсти – это у нас такой тайный знак, обозначает, что он должен вести себя тихо-тихо.

– Твой? – восхитился дядя Гриша. – Ну надо же, какой красавец!

Он протянул руку и потрепал пса за уши. Обычно Оська позволяет такое только мне, но тут смолчал и даже повернул голову, чтобы дяде Грише было удобнее.

– А у меня Лолиточка-то умерла... – вздохнул дядя Гриша.

– Да что вы?

– Ага, прошлой зимой, аккурат к Новому году. Уж так я по ней скучаю... Новую собаку советуют завести, а я не могу.

– Жалко ее...

– Да уж. Но, Лизавета, ты что, так и будешь тут сидеть? Ведь ночь на дворе! Пойдем ко мне, чаю попьем...

– Да нет, мне домой надо. Муж будет волноваться, – неизвестно зачем ляпнула я.

– Да? – Дядя Гриша смотрел недоверчиво.

«Если бы за тебя муж и правда волновался, – говорил его взгляд, – то не пустил бы одну за собакой поздно вечером бегать. Сам бы пошел или уж вместе...»

– Дядя Гриша, а у вас поводка не осталось от Лолиты? – быстро спросила я, чтобы он не стал развивать тему про мужа. – А то Оська опять удерет.

– А как же! – Он обрадовался, что может помочь, и через некоторое время вынес поводок и намордник, а также немного сухого собачьего корма в пакете. Оська до того обрадовался корму, что позволил надеть на себя намордник. И мы отправились на автобусный вокзал.

Там нам не повезло: автобус в соседний город только что ушел, я видела его огни. И следующий будет только рано утром.

– А что вы хотите? – Кассирша пожала плечами. – Ведь ночь на дворе! – И закрыла окошко.

Я приуныла: сидеть на вокзале до утра вовсе не входило в мои планы. Во-первых, ночью сюда стекаются все бомжи. Во-вторых, полиция сюда тоже заходит, а мы с Оськой все же от бомжей отличаемся, так что менты могут заинтересоваться. Ехать на такси тоже глупо: уж таксист точно запомнит рыжую девушку с собакой.

Я перехватила внимательный взгляд второй кассирши и решила, что пора уходить.

– Такси не надо, красавица? – метнулся ко мне разбитной мужичок с бегающими глазами.

– Отвали! – процедила я, и Оська зарычал неприветливо.

– Пс-сс... – послышалось из-за угла.

Я взяла Оську на короткий поводок и зашла за угол.

– Тебя куда отвезти? – спросил парень невысокого роста в низко надвинутой на глаза вязаной шапочке.

– А тебе что? – отшатнулась я. – Иди себе своей дорогой.

– Я же видел, как ты на автобус не успела. Могу отвезти на следующую станцию, там в автобус и подсядешь.

– Как ты его догонишь?

– Молча, он на переезде стоять будет долго, а я дорогу срежу.

– С собакой возьмешь?

– Возьму, только деньги вперед. – Он назвал довольно скромную сумму.

– Да, конечно, чтобы ты меня в лесу посадил и бросил!

Договорились, что сейчас только половину, но когда я увидела его развалюху, то с деньгами попрощалась.

– Ты не гляди, у нее мотор от «мерса»! – обиделся парень.

– А чего ты машину в стороне ставишь, шифруешься так?

– Этих боюсь, – он махнул рукой в сторону таксистов, – у них настоящая мафия.

Не знаю, как насчет «мерса», но скорость его машинешка развила порядочную, так что Оська только повизгивал, он вообще не любит ездить в машине. На заднем сиденье я нашла старый черный берет – очевидно, кто-то забыл. Наконец мы приехали к станции.

– Вон автобус стоит, беги уж, – сказал парень, получив деньги.

Я нахлобучила на голову чужой берет, он был мне безбожно велик, зато волосы удалось убрать полностью. Водитель автобуса закрыл двери и уже тронулся с места, как я закричала на бегу, чтобы подождет.

Двери открылись, и мы с Оськой ввалились в салон.

– Ой, спасибо, только я билеты не успела взять, можно вам заплачу? – выдохнула я.

– А касса все равно закрыта, – сказал водитель, – так что плати.

– До Петербурга едете? – спросил он, терпеливо ожидая, пока я достану из потайного кармана деньги. Это было трудновато, не могла же я вытащить на свет всю пачку.

– Петербург, при чем тут Петербург? – Я таки едва не выронила деньги.

– Автобус дальний, конечная – Петербург, – нахмурился водитель, – чего тогда меня останавливала, если тебе не туда?

– Да нет, мне как раз туда и надо! – нашлась я. – Сколько стоит? И за собаку?

Он назвал цену, я умудрилась на ощупь отсчитать нужную сумму и устроилась на заднем сиденье, там было место для Оськи. Он прижался к моим ногам и тут же заснул. И вы не поверите, но я тоже.

Проснулась я, когда рассвело. Было холодно, потому что куртка расстегнулась, но ноги грел Оська. Я с трудом выплывала из тяжелого сна, воспоминания появлялись сериями. Вот мы с Оськой бежим за автобусом, вот еще раньше я захопываю дверь перед свекровью, вот я жду на вокзале мужа, а он так и не пришел... Стоп! – наконец-то в голове прояснилось. Ведь я же бегу от бандитов, которым сдала меня собственная свекровь, бегу как можно дальше, со мной Оська, паспорт есть и деньги... Осознав, что куртка расстегнута, я едва не застонала в голос. Обокрали! Увели все деньги и документы! Вот что теперь делать?

Дрожащими руками я ощупала потайные карманы. Вроде бы деньги на месте, две пачки. Значит, я сама забыла застегнуть куртку, когда расплачивалась с водителем.

Оська поднял голову и посмотрел на меня укоризненно: что, мол, ты возишься? Чего боишься? Разве бы я допустил, чтобы к тебе кто-то приблизился...

– И то верно. – Я почесала его за ушами, пес повозился немного, устраиваясь поудобнее, и затих, а я уставилась в окно.

За окном автобуса проносились однообразные и унылые осенние пейзажи – рощи в последних обносках пожелтой листвы, пустые прибранные поля, одинокие домики и сараи.

От такого депрессивного зрелища меня неумолимо склонило в сон. Я уже наполовину дремала, погружившись в странное состояние между сном и явью.

И в этом странном состоянии перед моими глазами снова и снова пробежали события последних недель. События, в результате которых я оказалась в этом междугородном автобусе с единственной дорожной сумкой, а из близких у меня – только здоровенный пес... единственное близкое существо...

Пару месяцев назад все у меня было хорошо. То есть я тогда так считала, отмахиваясь от непрошенных мыслей.

Ну, не сказать чтобы совсем хорошо, но внешне моя жизнь выглядела вполне благополучной: собственный дом, приличный муж, владелец хоть небольшой, но собственной риелторской фирмы.

Сам Михаил был в этой фирме директором, его мать – бухгалтером, ну и я – старшим менеджером.

Дела в фирме шли ни шатко ни валко: в нашем городке мало кто продает или покупает недвижимость, а если такое и случается, то обычно обходятся без риелторов.

Тем не менее фирма как-то держалась на плаву. Так что если закрыть глаза на свекровь, которая усиленно портила мне жизнь, то вполне можно было существовать. Муж мой, в отличие от своей мамы, человек нескандальный, неконфликтный, предпочитает отмалчиваться и, что называется, не брать в голову, так что апеллировать к нему по поводу поведения свекрови я перестала еще в первые месяцы после свадьбы. Все равно толку не будет.

Дни текли один за другим: в будни – фирма, в выходные – работа в саду, прогулки с Оськой, чтобы поменьше бывать дома. Короче, говорила я уже, что научилась не задавать себе вопросов, для чего я все это затеяла – то есть продажу квартиры, а если смотреть глубже, то вообще замужество. Но, как говорил тот же бывший мой сосед дядя Гриша, снявши голову, по волосам не плачут. Замечу кстати, что он совершенно лысый, с детства его таким помню.

В общем, жизнь моя текла своим чередом, и тут в нашем городке случилось нечто серьезное и неожиданное: к нам пришел настоящий большой бизнес.

Началось все с того, что стало известно, что через наш город пройдет новая трасса федерального значения. И часть этой трассы будет находиться на нашей территории.

И тут же у нас появились важные люди из Петербурга. Это были представители крупной строительной фирмы, которая рассчитывала получить заказ на строительство этого участка дороги. И, соответственно, на государственное финансирование.

Дело запахло деньгами, причем очень большими... Такими огромными, о каких в нашем захолустье никто прежде и не слышал. Такими, от которых у многих, как говорится, поехала крыша.

И тут мой муж, который прежде не отличался прытью и ловкостью, подсуетился, продемонстрировал чудеса предприимчивости и сумел связаться с теми питерскими людьми.

То есть это он сказал, что сумел с ними связаться, а кто там на самом деле проявил инициативу – никому не известно. Есть у меня подозрения, что это они выбрали нашу фирмочку, чтобы использовать ее для своих криминальных дел, быстро сообразив, что муженек мой умом особым не блещет и никто за ним не стоит. То есть никто его защищать не станет, если что не так обернется.

Так или иначе, к нам в офис стали захаживать представители той питерской фирмы. Первым появился у нас один такой тип, от которого у меня мурашки пошли по коже и дышать стало тяжело.

Вроде бы не такой уж он был страшный.

Средних лет, плотный, широкоплечий, с очень бледным лицом и неестественно светлыми волосами.

На его бледном, как непропеченный блин, лице выделялись глаза – выпуклые, водянистые, похожие на глаза огромной хищной рыбы. Он один раз скользнул по мне взглядом – и я сразу же подумала, что такому убить человека ничего не стоит: он и не заметит.

Я потом сказала мужу, что боюсь этих людей и не стоило бы с ними связываться... но он меня и слушать не стал. Ответил, что нам выпал исторический шанс (да, честное слово, так и сказал), что благодаря этим людям мы можем выйти на совершенно другой уровень, для нас начнется совсем другая жизнь.

Разговор этот происходил в присутствии свекрови, у нас почти все происходит в ее присутствии, потому как мы всегда вместе – и на работе, и дома.

И если дома можно хоть как-то от нее избавиться – в ванной, к примеру, запереться или уж ночью в спальне закрыться, то днем она тут как тут. И слух у нее отменный. Так что тогда муж таким смелым был в ее присутствии.

Свекровь его решение одобрила – подозреваю, что она сама это решение и приняла. Еще меня окоротила в свойственной ей безапелляционной манере: мол, не понимаешь ничего – так и молчи в тряпочку, и вообще твой номер шестнадцатый, ты в фирме никто и звать никак.

И еще много всего в таком же духе.

Так вот и получилось, что наша маленькая фирмочка стала представлять в нашем захолустье интересы питерского строительного гиганта.

И вот в чем выражались эти интересы.

Федеральная трасса могла проходить по двум возможным участкам, условно назовем их Восточным и Западным. Восточный участок был более вероятным, и питерская фирма сделала на него ставку. Через нашу фирму они скупили десятка два земельных участков, принадлежавших местным хозяевам, снесли старые дома, подготовив условия для строительства трассы...

В общем, вложили в проект большие деньги. Какие – ни муж, ни свекровь не знали, а я и подавно.

Естественно, они вложили эти деньги только после того, как подстраховались. А именно, заплатили приличную сумму нашему городскому чиновнику, который отвечал за выделение земли под трассу. Его звали Иванцов Алексей Викторович.

Я не то чтобы его знаю, но город у нас маленький, так что я видела его несколько раз в мэрии или в ресторане, когда мы день рождения мужа отмечали.

Заплатили этому господину Иванцову двадцать миллионов рублей.

Спросите, откуда я знаю точную сумму?

А оттуда, что эти деньги чиновнику отвозил мой муж. И он несколько раз, захлебываясь от восторга, повторил, сколько ему выделили на это важное дело. Мол, какими большими делами он ворочает, птицей какого высокого полета он сделался.

А поручили ему это дело по той причине, что он-то с этим Иванцовым был хорошо знаком. Он с ним когда-то учился в одной школе в параллельных классах.

В чем, кстати, нет ничего удивительного – как я говорила, у нас городок маленький, и почти все друг с другом знакомы. И очень многие учились в одной и той же школе.

И вот время шло.

И вдруг, в самый последний момент, когда стройка должна была начаться, выясняется, что этот самый Иванцов принял решение провести наш участок трассы не по Восточному направлению, а по Западному, то есть совершенно не там, где было обещано нашим могущественным питерским компаньонам.

А в это Западное направление втихомолку вложилась крупная московская фирма.

Сказать, что наши питерские партнеры пришли в ярость, – значит ничего не сказать. Они ведь вложили в Восточный вариант большие деньги и большие усилия.

Они отправились к Иванцову для серьезного разговора и задали ему прямой вопрос: ты ведь взял деньги, так будь любезен, сделай то, что обещал!

Но этот тип посмотрел на питерских честным взглядом и проговорил с искренним удивлением:

– Деньги? Какие деньги? Первый раз слышу!

И вот тут пришло время «Ч» для моего мужа.

Если ему поручили передать господину Иванцову деньги, а Иванцов, черт бы его побрал, утверждает, что этих купюр в глаза не видел, выходит, во всем виноват тот, кому было поручено кейс передать, то есть мой муж...

К счастью (если это слово здесь уместно), секретарша Иванцова (которая тоже училась в той же школе) поняла, что дело пахнет керосином, и позвонила Михаилу, сказала, что его ждут большие неприятности. Вот бывают еще на свете хорошие люди!

И Михаил понял, что нам нужно бежать. Иначе... нам будет очень плохо. И мы договорились, что сбежим вместе. Свекровь заявила, что она никуда не денется, что ее не тронут, пусть только попробуют. Не знаю, что она сказала мужу, но я-то ей поверила. Как затмение на меня нашло!

Ну, все остальное вы уже знаете.

Как я ждала его на вокзале и чем это кончилось... И вот никак не могу поверить, что это они вместе такое придумали, все же мы почти три года женаты с Михаилом, никогда я ему никаких гадостей не делала, так за что же он со мной так?

Осталось добавить еще только один момент. Небольшой, но очень важный.

Перед тем как ехать на вокзал на встречу с мужем, я заехала в банк, чтобы снять деньги. Ведь понятно, что без денег в бега не пустишься. К счастью, там работала моя подруга Элла (опять же мы с ней учились в одной школе и даже в одном классе). Она смогла мне быстро и без лишних вопросов выдать наличные. Миллион – не так уж много по нынешним временам, но лучше, чем ничего. Деньги эти были со счета нашей фирмы, свекровь иногда меня посылала в банк, так что право подписи у меня было.

Ни мужу, ни свекрови я про деньги не сказала заранее – мало ли не получится, так потом еще и тетехой неумелой обзовут. Мужа я не дождалась, а свекрови сказать про деньги не успела.

Так что сейчас у меня по внутренним карманам было рассовано несколько пачек крупных купюр, которые грели мне душу. Я, как Колобок в сказке, смогла уйти и от свекрови, и от бандитов, и еду теперь далеко. И, возможно, это судьба, что автобус идет в Петербург, уж там-то люди из фирмы меня искать точно не станут. Кроме того, в большом городе легко затеряться...

Я приободрилась и хотела снова заснуть, но не получилось.

– К родным, значит, едешь? – раздался рядом со мной незнакомый голос.

– Что? – переспросила я удивленно, вырываясь из своего полусна.

– В Питер едешь к родным? – повторила женщина, сидевшая на месте через проход. Была она немолода, но по виду бодрая, одета в новую куртку, из чего я сделала вывод, что тетя просто хочет поговорить. Скучно ей стало в дороге, она заметила, что я проснулась, вот и вяжется с разговорами. Остальные пассажиры спали, один парень слушал что-то в наушниках, девушка смотрела в айфон. В общем, ничего такого, что вызвало бы у меня опасения. И Оська молчал.

– Да нет... – ответила я уклончиво. – Там у меня никого нет. Так, дела всякие...

– А есть у тебя где остановиться? – не отставала тетка.

– Ну, не знаю... найду какую-нибудь гостиницу...

И тут же я поняла, что говорю ерунду. Что останавливаться в гостинице мне никак нельзя – ведь там мне придется предъявить паспорт, а это значит, что при желании питерская фирма, которая идет по моим следам, найдет меня в два счета... Вдруг кому-то втемяшится в голову проверить на всякий случай близлежащие города? И если там меня не найдут, то и до Питера доберутся, уж не так он далеко, ночь всего на автобусе ехать...

– Гостиницу... – хмыкнула тетка. – Ты цен питерских, что ли, не знаешь? К тому же с собакой-то кто тебя пустит?

– Это верно, – вздохнула я. – Про собаку я как-то не подумала...

И тут же себя отругала мысленно. Тетка слишком любопытная, вон как шныряет взглядом, наверняка запомнит и меня, и собаку. Тем более я вызываю подозрение своей неуверенностью.

Оська почувствовал мое настроение и улегся вольготно головой в проход, да еще зевнул во всю пасть, так что тетка опасливо отодвинулась. Но все же посоветовала издалека искать квартиру или комнату в частном секторе. Совсем недалеко от вокзала, минут десять пройти – и увидишь.

Я поблагодарила тетю и сделала вид, что ужасно хочу спать. Намек она поняла и с разговорами больше не лезла.

Ему снилось, что он бежит по вянущей траве среди прибрежных тростников. Бежит – как зверь, на четырех ногах... лапах.

Иногда сквозь тростники проглядывал багровый лик владычицы, придавая ему новые силы, обостряя все его чувства.

Ему снилось, что он – огромный зверь, хищник, бегущий по горячему следу, чтобы настичь жертву, повалить ее на траву и впиться зубами в пульсирующее горло...

Он проснулся мгновенно, как будто его кто-то окликнул.

Сна не было ни в одном глазу...

Да и какой тут сон, если в окно заглядывал страшный, огромный, багровый глаз богини. Свет этого взгляда наполнял комнату, как густая, пульсирующая, живая влага... как драгоценное вино наполняет хрустальную чашу...

Да зачем прикидываться, зачем искать фальшивые, приблизительные слова?

Свет этого взгляда наполнял комнату, как кровь.

Как свежая, теплая кровь, хлещущая из перегрызенного горла...

Он схватился за голову.

О боги! О боги! Опять на него накатило это кровавое безумие! Опять, как тогда...

Опять все повторяется...

Все дело в этом взгляде, во взгляде богини.

Он не может, не может ему противостоять...

Не может – или не хочет?

Да какая, в сущности, разница?

Ведь это она, его богиня, его владычица, дает ему силы, чтобы жить... Ведь только она придает смысл и значение его пустой, никчемной, бесцветной жизни.

Что делать?

В первую очередь нужно покинуть дом, выйти туда, где между ним и богиней не будет никаких преград, где он сможет подставить не только лицо, но всего себя этому пылающему, дарующему жизнь и силу магическому взгляду...

Он не заметил, как оказался на улице.

В свете багровой луны трава под ногами приобрела волшебный пурпурный оттенок, она ожила и шевелилась у него под ногами, как проросшие зубы дракона в древней легенде.

Но самое главное – он запрокинул голову, раскинул руки и всей своей кожей, всем своим существом впитывал животворный, могущественный свет богини...

Он почувствовал, что с ним начинается происходить Метаморфоза.

Все тело заболело, как у наркомана, лишённого дозы.

У него началась ломка, как у того же наркомана.

Только, в отличие от наркомана, ему нужен был не белый разбодяженный порошок – ему нужно было преобразиться. Нужно было стать другим, высшим существом. Тем, кем сделает его пылающий свет богини...

Все живые существа под Луной делятся в конечном счете на два огромных сообщества, на два царства – на Хищников и Жертв, на Охотников и Добычу.

Среди людей подавляющее большинство относится к Добыче.

Всю свою жизнь они пасутся, поедая траву у себя под ногами, и в конце концов умирают, чтобы удобрить своими жалкими телами скудную почву, чтобы на ней выросла новая трава.

И только некоторые, такие как он, рождены быть Преследователями, Охотниками, Хищниками.

Смысл и назначение их жизни – погоня, охота, убийство.

Поскольку большинство людей – Жертвы, они придумали законы, направленные против Хищников.

Но эти законы бессильны и ничтожны, их ничего не стоит обойти, перехитрить...

Он вздрогнул.

Опять его обуяли эти мысли – опасные, убийственные мысли, оправдывающие его страсть, его болезнь...

Да нет, это никакая не болезнь – это смысл, стержень его существования!

Он снова вздрогнул – и забился в мучительной судороге надвигающейся Метаморфозы.

Мышцы его напряглись, отвердели, стали тугими, как корабельные канаты. Пальцы скрючились, вместо бесполезных плоских ногтей на них выросли острые и длинные когти. Когти, предназначенные для того, чтобы рвать чужую плоть. Обоняние обострилось – теперь он чувствовал сотни, тысячи запахов, струящихся в ночном воздухе, смешивающихся в нем, как смешиваются реки и ручьи в море.

Но он мог найти среди этих запахов тот единственный, который ему нужен, – запах жертвы, запах добычи...

Он привычно взглянул на свои руки – и увидел, что на коже проступают желто-черные полосы. Тигриные полосы.

Пока они еще неясны, бледны, как выцветшая татуировка, но с каждой минутой они становятся все отчетливее.

Ноги подогнулись в коленях, он опустился на четвереньки и почувствовал, что так гораздо удобнее бежать, гораздо удобнее преследовать ускользающую добычу...

Он коснулся носом травы и почуял, что здесь совсем недавно проходила подходящая жертва...

Он побежал по следу: теперь им владела единственная цель, задача – догнать, свалить, загрызть...

Спиной и затылком он чувствовал свет богини.

Холодный, требовательный свет.

В какой-то момент в его душе шевельнулась мысль, что все это неправильно, что так не должно быть... что снова, как тогда, прошлый раз, это закончится плохо, очень плохо, что он будет страдать, мучиться страшным, кровавым похмельем.

Кровавым похмельем, за которым неизбежно последует новая охота, новая погоня.

Но что делать?

Это его судьба... это его служение богине...

К счастью, такие Метаморфозы случаются с ним нечасто – только в те дни, точнее, в те ночи, когда богиня достигает пика своего могущества, а это бывает редко. Тогда с ее зовом невозможно бороться. И есть только один способ вырваться из этого порочного, этого кровавого круга – завладеть Глазом богини...

Если этот глаз, этот священный камень станет его собственностью – пропадет необходимость в охоте...

Он пригнулся еще ниже к траве – и пустился в погоню.

Запах жертвы становился все сильнее, все отчетливее... теперь он различал, что впереди – не одно, а два существа. Два жалких двуногих создания, самой судьбой предназначенных для того, чтобы утолить его бесконечную жажду.

Его сердце переполнила радость.

Настигнуть сразу две жертвы – это именно то, чего он хотел! Их взаимная тяга даст ему гораздо большее наслаждение, а значит – гораздо большую силу...

Он побежал еще быстрее, еще ниже пригибаясь к земле, стараясь не потерять след.

– Посмотри, какая луна, – проговорила женщина, покосившись на багровый диск.

– Ну, луна и луна, – ответил мужчина. – Толку-то.

– Ну и долго мы будем так?

– Как так?

– Ты прекрасно знаешь как. Нужно в конце концов определиться. Давай уже наконец съедемся... снимем квартиру, будем жить вдвоем, как нормальные люди. А то надоело уже возвращаться по ночам. Сколько можно?

– Ты прекрасно знаешь, что моя хозяйка поставила условие: никаких женщин! Иначе сгонит меня с квартиры, а где я еще такую удобную найду, чтобы на работу прямая маршрутка ходила?

– Тебе только маршрутка и важна... – В голосе женщины зазвенели слезы.

– Не знаю, чем ты недовольна. Я же тебя провожаю! Чего тебе еще надо?

– Провожаешь, да. И на том спасибо. Хотя я и сама могла бы дойти, я тут всю шпану знаю.

– Всю шпану? Хорошенькие у тебя знакомства!

– Да я совсем не в том смысле...

– В том или не в том – это неизвестно! Но если тебе не нравится, что я тебя провожаю, иди дальше одна!

– Постой, там кто-то есть! – Женщина испуганно схватила спутника за руку.

– Ну вот, теперь не отпускаешь...

– Да послушай же, там и правда кто-то есть!

– У страха глаза велики! Кто тут может быть? Ночь глубокая на дворе!

– Нет, ну правда же...

– Правда, правда! Просто собака... кому еще здесь быть? Волки тут не водятся...

– Не знаю, но мне страшно...

– Да ладно, я же с тобой... что ты, правда... да брось ты, ничего страшного...

И тут из темноты вылетело длинное гибкое тело, покрытое тусклыми черно-желтыми полосами.

Автобус въехал в город Петербург утром, словоохотливая тетя вышла раньше, в пригороде. Полицейский посмотрел на Оську и нахмурился было, потом увидел, что пес в наморднике и отвернулся.

– Веди себя тихо, – шепнула я, – а то документы проверят, а это нам ни к чему.

Вы не поверите, но Оська все понял.

И правда, совсем недалеко от автовокзала, на набережной канала, я нашла окруженный пожухлыми кустами асфальтовый пяточок, на котором толпились озабоченные, потертые личности – те, кто хотел сдать или снять жилье, не пользуясь известными интернет-ресурсами.

Над этим пяточком раздавался неумолчный гул десятков голосов.

Мы с Осей подошли к этой толпе. При виде моего спутника толпа раздалась и откатилась, как море в отлив. Говорила уже, что Оська оказался породистым псом, а бельгийская овчарка, тем более очень крупная, может произвести впечатление на неподготовленных людей.

Так... проблемы у нас действительно будут.

Я строго сказала Осе «рядом!» и взяла поводок совсем коротко, рядом с ошейником.

Он семенил рядом со мной, преданно заглядывая в глаза.

И все равно почти все от меня шарахались. Я даже не успевала заикнуться о сдаче жилья.

Я перехватила взгляд крупного бородатого дядьки – он смотрел на Осю не с испугом, а с интересом.

– Не сдадите нам комнату? – спросила без большой надежды на успех.

– С ним?

– Ну да... куда же мне его – не на улицу же выгонять!

– Само собой... такого красавца...

– Ну так что, сдадите? – В моей душе шевельнулась робкая надежда.

– Да я бы сдал... – протянул дядька со вздохом. – Я-то сдал бы, да Марья Никитична собак не уважает.

– Марья Никитична? А кто это?

– Супружница моя. У нее, понимаешь, кот. Котяра такой... – Он развел руками, показав, какого размера. – Вот представь, как начнут они с твоим отношения выяснять... Нет, никак не могу. – И он отошел.

И тут же рядом со мной возникла вертлявая тетенька лет шестидесяти, в яркой китайской куртке и красной шапке с козырьком и меховыми наушниками.

– Тебе комната нужна, доча? – спросила она сочувственным и в то же время искательным тоном.

– Комната, но вот только с ним, – я показала на Осю.

– С собачкой, значит... – Тетка сделала вид, что только сейчас заметила моего красавца.

– Ну да, с собачкой. – Я сжала Оську челюсти, чтобы не вздумал рычать.

– Это тебе, значит, непременно за городом нужно. В городе с такой собачкой не возьмут.

– За городом? – переспросила я. – А что, можно и за городом. Если не очень далеко.

– Ближко, ближко! – тетка закивала. – Совсем ближко! Считаю, прямо в городе!

– Так что, это вы сдаете? И возьмете меня с ним? – В моей душе снова затеплилась надежда.

– Я-то не сдаю. – Тетка жалостно поджала губы. – Сосед мой сдает... он тебе непременно сдаст.

– Сосед? Так скажите адрес! – Я переглянулась с Осей. Кажется, сегодня у нас все же будет крыша над головой.

– Больно ты шустрая! – Тетка подозрительно стрельнула глазами. – Ты мне заплатишь за наводку? Я вроде как этим... риелтором подработаю. А что? Даром сейчас ничего не делается. В общем, плати – и дам тебе его адрес!

Я потянулась было за кошельком, но Ося предупреждающе рыкнул, и я опомнилась.

Не помню, говорила ли я, что Оська очень хорошо разбирается в людях. По крайней мере, куда лучше меня.

– Э, тетя, так дело не пойдет. Вы мне дадите какой-то адрес, а там, может, вообще никого нет. Или есть, но не сдаст с собакой. Я согласна заплатить, но только после того, как мне сдадут жилье.

– Надо же, какая недоверчивая! – Тетка усмехнулась, мол, не прошло, и ладно. – Ладно, поедем, я тебя отвезу прямо на самое место, но только смотри, доча, не обмани пожилого человека! А то сейчас мошенников развелось...

Мы еще немного поговорили о падении нравов и поехали на маршрутке. Водитель зыркнул было на Оську, но потом махнул рукой, только велел платить как за человека. По дороге я выяснила, что новую знакомую зовут тетя Таня.

Ехали мы весело, водитель включил музыку, а Оська художественно подвывал. Забыла сказать, что он у меня очень музыкальный пес. Пассажиры маршрутки от души веселились.

Правда, ехать пришлось не слишком долго, чуть больше получаса.

Если я думала, что хоть мельком увижу классические петербургские красоты, то я ошиблась. Сначала автобус проезжал мимо мрачных заводских корпусов, потом мимо каких-то ангаров и складских строений. Наконец и они закончились, и вокруг потянулись загородные дома и простые дачки.

Наконец мы вышли.

Оська явно оживился – здесь пахло природой, лесом, из-за заборов доносился собачий лай. Можно обнюхивать столбы и деревья и лапу поднять наконец. А то сначала в автобусе ехали, потом по городу тащились...

Тетя Таня повела нас по извилистой грязноватой улице мимо голубых и зеленых деревянных домиков с застекленными верандами. Часть из них определенно пустовала, над некоторыми курился дымок, показывая прохожим, что здесь кто-то живет.

Наконец наша провожатая подошла к очередному зеленому домику, остановилась возле калитки и громко крикнула:

– Петрович! Эй, Петрович!

Некоторое время ничего не происходило.

Тетя Таня повторила свой призыв еще дважды, и наконец дверь домика со скрипом открылась и на пороге появился мрачный толстый дядька в спортивных штанах, ватнике и галошах.

При виде этого дядьки Ося зарычал, и шерсть у него на загривке поднялась дыбом.

У меня в душе сразу зародилось нехорошее предчувствие – говорила уже, что моя собака хорошо разбирается в людях и плохих людей сразу чувствует.

– Чего кричишь? – строго спросил дядька нашу провожатую. – Чего воздух сотрясаешь?

– Здорово, Петрович! – приветствовала его наша провожатая. – А с тебя причитается.

– С какого это перепугу?

– С такого, что я тебе жиличку привела.

– Где? – осведомился дядька, демонстративно не замечая меня. Точнее, нас с Оськой.

– Так вот же она, жиличка! – Тетя Таня кивнула на меня. – Ты же говорил, что хочешь комнатку сдать, которая у тебя под лестницей. Вот она бы ее и сняла...

– Что я говорил – то тебя совершенно не касается! – отчеканил дядька. – А насчет этой – я еще не сдурел, чтобы с таким зверем сдавать! Ты на него только посмотри!

Оська действительно рычал и скалился. Это мой добродушный, ласковый песик! Ну, конечно, это он ко мне ласковый, а с другими может и строгость проявить...

– Да, может, все-таки сдашь... – продолжала канючить тетя Таня. – Она тебе прилично заплатит...

– Я сказал – нет! – И Петрович удалился, напоследок громко хлопнув дверью.

Оська, кстати, сразу же успокоился.

Тетя Таня проводила его разочарованным взглядом и виновато проговорила:

– Ну вот что с него возьмешь? Такой он человек, как что себе надумает, так никакими силами его не сдвинешь!

И она уже собралась уходить.

– И что же мне теперь делать? – растерялась я. – Вы меня завезли неизвестно куда и так здесь бросите?

– Никуда я тебя не завозила! – огрызнулась тетка. – Я что, виновата, если у тебя такая собака страшная? С такой зверюгой само собой никто не сдаст! Нечего и думать!

Оська зарычал. Ну да, кому, интересно, понравится, если о нем так будут говорить?

– Вон он, какой злоющий! – прошипела тетка. – Я к нему со всей душой, а он мне такое...

– Но вы же мне обещали... – начала я, но в это время на сцене появился новый персонаж.

Это был большой черный кот. Он шел посреди дороги с видом хозяина всех здешних мест и делал вид, что в упор не замечает Оську. Мой красавец не выдержал такой вопиющей наглости и рванулся навстречу коту. Я, к счастью, была наготове и смогла его удержать, хоть это было и непросто.

Кот зашипел и юркнул за забор, откуда выдал явно оскорбительную руладу.

Ося смущенно прижался к моей ноге.

Я оглянулась на тетку, которая привезла меня в это забытое богом место... но ее и след простыл.

На улице не было ни души.

– Ну вот, а я даже не помню, как мы сюда шли! – сказала я Осе, поскольку больше никого поблизости не было. – Ты же знаешь, я плохо запоминаю дорогу...

Он посмотрел на меня преданно и потянул вперед – дал понять, что уж он-то отлично помнит дорогу назад и в два счета приведет меня к автобусной остановке.

И мы пошли в обратную сторону... а что еще оставалось? Лучше идти хоть куда-то...

Мы шли и шли, и дома вокруг были совершенно незнакомые. И конца им не предвиделось. Да еще и небо потемнело, и дождь начал накрапывать. Настроение у меня совершенно упало.

Так мы шли полчаса, и еще полчаса, и еще... всяко дольше, чем тогда, когда нас вела противная тетка. Вдруг я заметила, что с Осей что-то не так. Он стал тяжело дышать, вывалил язык...

– Что с тобой? – спросила я сочувственно.

Пес посмотрел на меня жалобно, и каким-то шестым, а может быть, седьмым чувством я поняла, что он просто хочет пить. Да и поесть бы не помешало нам обоим. Когда мы ели? Оська перехватил сухого корма у дяди Гриши, а я... кажется, вчера утром завтракала с мужем. И еще у Элки днем чашку кофе пустого выпила...

Как раз в это время мы проходили мимо очередного домика, за забором которого копошилась в земле сгорбленная старушка с головой, повязанной черной банданой.

– Бабушка! – окликнула я ее. – Не дадите водички?

– Води-ички? – переспросила та таким тоном, как будто я попросила у нее ананасов в шампанском.

– Не мне – собачке, – поспешно уточнила я.

– Ах, собачке! – Голос ее потеплел, она из-под руки посмотрела на Осю. – Сейчас принесу...

И правда, она удалилась и через минуту вернулась с миской, полной чистой воды.

Передала мне миску через забор.

Оська принялся шумно лакать, а старушка спросила меня:

– А вы с ним ищете, что ли, кого?

– Да мне женщина одна сказала, что здесь можно комнату снять, но с ним не сдали.

Старушка еще раз посмотрела на Оську, покачала головой и проговорила:

– Да, собака-то у тебя серьезная... с такой мало кто сдаст. А кто не побоится, у того своя собака во дворе имеется, второй не нужно. Хотя, пожалуй, одного такого я знаю. Живет здесь один чудной, он может и с собакой сдать.

Я уже ни на что не надеялась и ни во что не верила, но на всякий случай спросила:

– А где он живет-то?

– Сама ты не найдешь. Да без меня он и разговаривать не станет. Пойдем, я тебя к нему провожу.

– За деньги? – на всякий случай спросила я, вспомнив противную тетку, которая завезла меня в это селение.

– Что? – Старушка, видно, удивилась. – Зачем деньги? Мне тебя проводить нетрудно. А уж как ты с ним договоришься – это уже ваше дело. Обожди минутку, я только переоденусь...

Она снова ушла.

Я думала, надолго, но она вернулась буквально через минуту. То, что она переделалась, можно было заметить не сразу – она поменяла старые галоши на новые и сменила головной платок. Тот был бандана, а этот – обычный платок, синий в горошек, и повязан интересно – так, что на голове получились рожки.

Все-таки выход в свет!

Старушка повела нас с Осей по улице, потом свернула в грязноватый проулок, потом свернула еще раз... потом провела нас по узкой тропинке между двумя явно нежилыми домами... Большая птица резко взлетела вдруг с крыши дома и закричала в вышине.

Я вздрогнула и увидела дом. Даже не так – я увидела Дом с большой буквы.

Он был большой и какой-то удивительный.

У него было много окон в резных наличниках. Внизу он был оснащен огромной верандой, застекленной ромбиками цветных стекол – красных, зеленых, оранжевых. Эти ромбики отбрасывали на пожухлую осеннюю траву цветные пятна, так что пасмурный, мрачный день сразу стал ярче и радостнее.

И это не все.

На втором этаже был балкончик с резными балясинами и еще окна в наличниках, а выше была четырехугольная башенка с окошками, выглядывающими на все четыре стороны света. И стекла в этих окошках были разноцветные: на юг смотрело окно с розовыми стеклами, на восток – с золотисто-желтыми, как янтарь, на север – с зеленоватыми, как южное море... четвертое окно мне не было видно, но что-то мне подсказывало, что там стекла сиреневые.

Правда, приглядевшись, я заметила, что этот чудесный дом порядочно обветшал. Краска на стенах местами облупилась, многих стекол не хватало, крыльцо заметно покосилось. Но это придавало дому дополнительное очарование.

Я покосилась на Оську.

Он тоже смотрел на дом, и в его взгляде было удивление. И еще какое-то ожидание.

– Вот тут он живет, – проговорила старушка, с испуганным почтением глядя на дом.

– И он может сдать нам комнату? – недоверчиво осведомилась я.

– Он чудной. Он может, – ответила она нелогично.

И крикнула в сторону дома:

– Хозяин! Эй, хозяин!

Где-то внутри дома что-то упало, хлопнула дверь, и на крыльцо вышел высокий худощавый мужчина с длинным лицом и растрепанными вьющимися волосами неопределенного цвета. Хотя, пожалуй, они были рыжеватые.

И еще – в нем было что-то, напоминающее этот дом. Какая-то красивая обветшалость. На вид ему было лет сорок с небольшим, хотя... хотя я могу и ошибаться.

– Я же просил... – проговорил он недовольным голосом. – Мне ничего не нужно...

– Тебе-то не нужно, Вася, – ответила старушка. – А вот им нужно... им нужно комнату снять. Приехали, понимаешь, думали, что им Николай Петрович сдаст, а он отфутболил...

– Комнату? – переспросил мужчина. – Я ничего не сдаю... зачем мне сдавать?

– Так что же, им с собачкой на улице оставаться? – строго проговорила моя провожатая. – Так нехорошо будет! А ты меня знаешь, я рассержусь, если нехорошо...

– С собачкой? – переспросил мужчина и, кажется, только тут заметил Осю.

И тут случилась неприятность.

Я зазевалась и выпустила поводок.

А Ося, мой послушный, воспитанный Ося вдруг рванулся вперед и в два прыжка подскочил к хозяину дома.

Я испуганно метнулась следом за ним, ожидая, что сейчас будет скандал, что мужчина испугается, закричит и Ося от этого крика потеряет самообладание...

Но ничего подобного не случилось.

Ося подбежал к мужчине, заглянул ему в глаза, тот погладил его по загривку и вдруг сказал:

– Ладно, так и быть, поживите у меня. Не оставлять же такого красавца на улице.

Я обернулась, чтобы поблагодарить старушку, которая привела нас сюда, – но ее не было видно.

– Заходите, – проговорил хозяин. – Что ж на улице-то стоять... холодно на улице.

Он развернулся и вошел в дом.

И вы не поверите – Ося потрусил за ним, преданно заглядывая в глаза...

Я завершала эту процессию.

Войдя в дом, я спросила мужчину:

– А кто та старушка?

– Какая? – Он удивленно покосился на меня.

– Ну, та, которая меня к вам привела?

– Да никто вас не приводил, – ответил он безапелляционно. – Вы одна пришли.

– Как? – Я чуть не поперхнулась от удивления.

Ведь без той старушки я бы ни за что не нашла его дом... и она его явно хорошо знала – назвала его Васей и говорила, что рассердится, если он не сдаст нам комнату...

Но если он не хочет об этом говорить – значит, у него есть на то какие-то свои причины.

– Меня, кстати, зовут Василий, – сообщил он, проходя через полутемные сени.

Я хотела сказать, что уже знаю, но прикусила язык. Черт его знает, в какую игру он играет, но если ему так нравится – пусть его... мне нетрудно подыграть. Сказала же та старушка, что он чудной.

– А меня – Лиза... – представилась я в ответ. – Елизавета, если полностью...

– Вот и познакомились.

Мы прошли через короткий полутемный коридорчик, куда выходило несколько дверей. Еще здесь была крутая деревянная лестница, ведущая на второй этаж.

Хозяин открыл одну из дверей и остановился посреди большой светлой комнаты.

Здесь был диван, обитый пестрой ворсистой тканью, круглый стол, накрытый плюшевой скатертью, на которой стояла ваза с букетом из сухих листьев, пара венских стульев, этажерка со стопкой старых пыльных журналов и книг.

– Вот здесь вы можете жить, – проговорил хозяин, с долей смущения оглядев эту комнату. – Если вас устроит.

– Устроит, устроит, конечно, устроит! – обрадовалась я. – А сколько нужно платить?

– Да нисколько, – он махнул рукой. – Еще не хватало за это старье деньги брать...

– Но так нельзя... – запротестовала я.

Мне приходилось слышать, как девушки снимали подозрительно дешевые комнаты у одиноких мужчин, а хозяева потом требовали у них определенных услуг.

– Ну, если хотите, можете платить столько, сколько считаете нужным. Столько, сколько вам нетрудно.

И опять мне это не понравилось... Вот не люблю я этого, предпочитаю, чтобы сказали прямо, чего и сколько. А то потом заплатишь и будешь думать: не то мало – и человек недоволен, не то много – и тогда я буду расстраиваться, что переплатила. Когда мама болела, ужасно я намучилась с врачами и сиделками, некоторые не могли сразу назвать сумму, а когда я отдавала деньги, то поднимали брови в изумлении – что, это все? Ой, не надо про маму сейчас думать, а то вспомню, расстроюсь, а мне нужна ясная голова.

А этот тип тут еще добавил:

– Только у меня будет к вам большая просьба... даже, пожалуй, требование...

Ну вот, напряглась я, сейчас он и выдаст... выдаст такое, что нам снова придется искать жилье...

– И какая же просьба? – осведомилась я напряженно.

– Вы можете ходить по всем комнатам в доме, но я очень прошу... я запрещаю вам открывать вот эту дверь! – Он выглянул в коридор и показал на дверь справа от входа.

– Да я никуда не собираюсь ходить, кроме этой комнаты! – выпалила я с облегчением. – Мне ее вполне хватит. И Оська тоже не будет ходить.

– Нет, вы можете по всему дому ходить, если захотите, но только не в ту комнату... – повторил он настойчиво.

– Конечно-конечно! – Я замахала руками. – Вы хозяин, как скажете – так и будет!

– Собаку можете оставить, когда за вещами пойдете, – он скупно улыбнулся, – пускай во дворе побегает.

– Но у меня нет... – Я запнулась, но взяла себя в руки. – Да-да, конечно, но лучше я потом, сейчас очень устала...

Если я скажу, что у меня нет вещей, это вызовет подозрение. А мне нужно продержаться в этом доме хотя бы несколько дней, потом я уж как-нибудь определюсь.

– Скажите, а есть здесь поблизости магазин? – Я решила сменить тему. – Мне бы продуктов купить.

– Ну... – он скупно улыбнулся, – магазин-то есть, только он уже закрыт. Да и нет там ничего. Туда только за хлебом ходят, а как хлеб кончается, продавщица его и закрывает, чтобы зря не сидеть.

И, видя мое расстроенное лицо, он добавил:

– Вы можете чаю попить на кухне и что найдете, то и ешьте.

И мы с Оськой отправились на кухню. Скажу сразу, я ожидала худшего. Думала, что, как у всякого одинокого мужчины, у этого Василия на кухне был жуткий бедлам, но все оказалось не так страшно. Кухня была большая и довольно светлая. Стоял там стол, покрытый выцветшей, но чистой клеенкой, три табуретки, очень крепкие, на одной была бирка «144-я военчасть». Еще на кухне была дровяная плита, на которой, как на столике, стояла обычная газовая плитка на две конфорки. Рядом стоял грязноватый электрический чайник. А одну стенку занимал

старинный буфет – огромный, в три этажа. В самом верхнем стояли пузатые рюмки и граненые стаканчики, про которые бывший мой сосед дядя Гриша, помнится, пел, будучи в подпитии: «Стаканчики граненые упали со стола, упали и разбились, разбита жизнь моя!»

После чего обязательно бросал граненый стакан на пол, а потом поднимал целый и говорил, что и в песне тоже все врут.

В средней части буфета я нашла разномастные чашки и довольно непрезентабельные тарелки, на которых было написано «Общепит». Там же стояла сахарница с отбитой ручкой и коробка с чайными пакетиками. Все остальное место занимали пачки лапши быстрого приготовления – я так поняла, что хозяин этим и питался. Внизу буфета находились кастрюли и парочка закопченных сковородок.

В самом углу кухни притулился старенький холодильник. Я открыла его без надежды на успех и нашла там полбуханки зачерствелого, но все же не плесневелого хлеба, два яйца и банку варенья. Судя по аккуратной бумажке, перевязанной ниточкой, варенье хозяину кто-то подарил, не иначе та старушка принесла.

Себе я поджарила яичницу, Оське развела лапшу. Он понюхал содержимое миски и уставился на меня с неммым удивлением: что ты мне подсовываешь? Как ты вообще себя ведешь? Ты что, забыла, что должны делать приличные хозяева? Они должны насыпать в миску до краев сухой корм или же класть туда кашу с кусочками мяса или фаршем. И уж потом нужно выдать собаке косточку из супа. Лучше сахарную, но мосол тоже сойдет.

– Ишь, размечтался! – фыркнула я. – Откуда я тебе тут все это возьму? Завтра куплю, а сейчас лопай что дают!

Оська понял, что я не шучу, и съел лапшу, при этом морда его выражала нешуточное страдание.

Варенье оказалось из сливы. Я намазала его толстым слоем на хлеб, было очень вкусно. Я съела три куса, после чего наскоро прибрала за собой. Хотела поблагодарить хозяина, но его не было видно.

Оказавшись в своей комнате, я первым делом проверила дверь.

Мои подозрения оправдались: она закрывалась изнутри на хлипкую задвижку, так что открыть ее ничего не стоит.

Но тут Оська перехватил мой взгляд и рыкнул успокоительно: мол, какая задвижка, подружка? Ведь я с тобой, а значит – мимо меня ни одна самая хитрая муха не пролетит! Да что там муха, ни одному комару я не дам самого малого шанса!

И в подтверждение этой мысли он улегся на пороге нашей комнаты.

Ну да, чего я боюсь с таким сторожем?

Тут я почувствовала, что вот-вот упаду без сил. И правда, день выдался на редкость тяжелый...

Хозяин выдал мне стопку постельного белья (к моему удивлению, оно было чистое, и хотя, естественно, неглаженое, но пахло свежестью – наверное, сохло на улице, на свежем воздухе).

Из последних сил я постелила на диване, разделась и легла...

И заснула в ту же минуту.

Мне снилась огромная полноводная река, которая медлительно, величественно, лениво катила свои желтоватые воды среди поросших тростником низких берегов.

К берегу этой реки медленно, торжественно шла странная процессия. Составлявшие ее люди были одеты в длинные развевающиеся одеяния – как они называются? Хитоны?

В центре этой процессии несколько сильных мускулистых мужчин несли золоченые носилки – точнее, паланкин, закрытый пологом из блестящей ткани.

Вот процессия остановилась.

Женщины, составлявшие большую ее часть, запели...

Они пели очень красиво, но слов я не разбирала – язык их был мне незнаком.

Паланкин поставили на берег, полог приподнялся, и на землю ступила молодая смуглая женщина с длинными, черными как ночь, тускло отсвечивающими волосами.

На голове у нее был серебряный обруч, в который был вставлен большой полупрозрачный камень неувливаемого голубовато-серого лунного оттенка.

Женщина медленно двинулась к воде.

И в тот самый миг, когда она вступила в воду, над противоположным берегом реки разлилось тусклое голубоватое сияние, а затем над горизонтом показался краешек луны.

Женщина входила в воду, и с каждым ее шагом луна поднималась все выше и выше.

Вот она уже вся поднялась над рекой.

Луна была полная, более чем полная – я никогда не видела такого большого, такого яркого лунного диска.

И еще у этой луны был необыкновенный цвет.

Она была не бледно-серебристой, как обычно, но тускло багровой, как будто окровавленной...

По реке от луны побежала дрожащая, колеблющаяся дорожка – и женщина, которую принесли в паланкине, поплыла по этой дорожке навстречу луне...

Казалось, она плыла не в воде, а в лунном сиянии, постепенно растворяясь в нем...

В какой-то момент она повернула к берегу, и я увидела серебряный венец на ее голове. Камень в этом венце был теперь не серебристо-голубым, как прежде, а багровым, как будто наполненным кровью. Он вобрал в себя багровые отсветы луны...

И вдруг кто-то из свиты ночной принцессы громко вскрикнул, показав на меня рукой.

Принцесса испуганно вскрикнула, отшатнулась, серебряный обруч упал с ее головы.

Камень выпал из своей оправы, подкатился к моим ногам.

Я машинально подняла его.

И тут же все спутники принцессы гневно закричали, а несколько человек бросились ко мне...

Я побежала прочь, не глядя под ноги, не разбирая дороги.

Я бежала легко, как бывает только во сне, словно летела над землей, почти не касаясь ее ногами. Вокруг меня расступались тростники и гибкие прибрежные кусты.

Мои преследователи давно отстали от меня – куда им было угнаться за мной, такой стремительной и легконогой!

Я бежала легко и быстро, и от этого бега в моем сердце закипал восторг. Наконец я запела – запела странную песню, слов которой сама не понимала. Это была древняя песня на древнем, незнакомом языке, которая сама вырывалась из моей груди...

И эта песня прибавила мне силы и легкости, я побежала еще быстрее.

И вдруг каким-то шестым чувством я ощутила, что не все преследователи отстали от меня.

Один продолжал бежать.

Он бежал не так легко, как я, ломая кусты и маленькие деревца, вминая ступни в глинистую почву, – но он бежал так же быстро, как я. Даже быстрее – и понемногу он нагонял меня...

Я испуганно оглянулась – и увидела, что за мной по пятам несется не человек, но странное и страшное существо – получеловек, полутигр. И с каждым прыжком человеческого в нем оставалось все меньше, а тигриного – все больше...

В темноте горели его глаза – как два багровых огня... как два багровых отсвета восходящей луны...

И тут мой преследователь издал странный, шемящий вопль, в котором тоски и боли было больше, чем ярости...

И тут же я проснулась.

В первый момент я не могла понять, где нахожусь.

Какая-то незнакомая комната, старый скрипучий диван с вылезавшими пружинами...

Душно, пылью пахнет...

И в тишине этой комнаты еще звучал глухой отзвук вопля, который в моем сне издал человек-тигр.

Я вспомнила то удивительное и страшное существо, вспомнила багровый блеск его глаз...

И увидела совсем близко, рядом с закрытой дверью комнаты, два красноватых огня, два пылающих глаза.

Но в этих огнях не было ярости и угрозы, как в глазах человека-тигра из моего сна...

Ну да, это ведь глаза единственного близкого мне существа – глаза Оськи! Собачка моя дорогая!

Я встряхнула головой и вспомнила весь предыдущий день, поняла, что нахожусь в странном доме, принадлежащем еще более странному человеку... То есть, может, он и неплохой, вот комнату мне сдал, денег даже брать не хотел, но я же его совсем не знаю...

И тут в глубине этого дома раздались какие-то непонятные, тревожные звуки.

Я подняла голову и прислушалась.

Возле двери лежал преданный Оська. Его глаза отсвечивали в темноте тускло-багровым светом.

Он тоже поднял голову и повел ушами – видимо, услышал те странные звуки. И они ему явно не понравились – он прижал уши и тихонько заскулил. Не зарычал, не залаял, а именно заскулил – я знаю, он так делает, когда боится чего-то непонятного.

Я встала, тихонько подошла к двери, погладила Оську по голове, по загривку. Он благодарно рыкнул, успокаиваясь.

И тут в доме снова зазвучал тот же странный звук. Незнакомый, тревожный, волнующий...

Я отодвинула задвижку, тихонько открыла дверь.

Ося посмотрел на меня сочувственно и неодобрительно – мол, не ходи никуда, сиди в своей комнате! Здесь я смогу тебя защитить, а там, в этом незнакомом и опасном доме, я ничего не гарантирую...

Я снова потрепала его по загривку, тихо проговорила:

– Не беспокойся, здесь нет ничего страшного. Мне просто любопытно. Если не хочешь – не ходи со мной, подожди меня здесь.

Он возмущенно рыкнул: как ты можешь мне такое предлагать? Неужели ты думаешь, что я могу отпустить тебя одну? Такого я себе никогда не прощу!

– Ну ладно, пойдем вместе!

И правда, с Осей мне все нипочем!

И снова я услышала те же странные звуки...

Мы вышли из комнаты, оказались в коридоре. Впереди была приоткрытая дверь другой комнаты.

На полу коридора лежали светлые квадраты и прямоугольники – это отсвет луны падал через открытую дверь.

И оттуда же, из-за этой двери, снова и снова доносились те самые тревожные и странные звуки, которые позвали меня в ночь.

Я двинулась к приоткрытой двери.

Под влиянием какого-то странного заскока я старалась не наступать на освещенные лунным светом половицы, но все равно рассохшийся пол предательски громко скрипел, хоть я шла босиком.

Ося, в отличие от меня, ступал бесшумно, только чуть слышно постукивал когтями по половицам.

Мы шли удивительно долго, удивительно медленно, как будто плыли в плотной, тяжелой, неуступчивой воде, с трудом преодолевая ее сопротивление.

Наконец мы подошли к двери, заглянули в нее...

В первый момент я испуганно отшатнулась – мне показалось, что из-за этой двери на меня смотрит страшное багровое лицо, лицо жуткого монстра.

Однако, приглядевшись внимательно, я поняла, что это – всего лишь обычная луна.

Нет, не обычная!

Луна была полная и необыкновенно большая – просто огромная! Я никогда такой не видела! И она висела так низко, как будто заглядывала в окно.

На этом огромном лице четко выделялись пятна кратеров и лунных морей, как язвы на лице прокаженного.

Кроме того, луна была не тусклая серебристо-голубая, а багровая, словно налитая кровью. И этот багровый, окровавленный лик притягивал, приковывал мой взгляд...

И тут снова раздался тот прежний звук. Он шел отсюда, из этой самой комнаты...

Я с трудом оторвала взгляд от багрового лика луны и оглядела комнату.

И тут же увидела сидящего на полу человека.

Я с трудом узнала в нем хозяина дома.

Растрепанные рыжеватые волосы казались в свете багровой луны золотым нимбом, сутулая фигура налилась странной силой, лицо светилось странным сиянием.

И он негромко произносил какие-то непонятные, незнакомые слова, слова древнего языка... ритмичные, гипнотические слова – слова какого-то древнего заклинания или песнопения.

Он смотрел на лик луны и к нему обращал свое песнопение.

Но тут он, должно быть, почувствовал постороннее присутствие, напрягся, начал поворачиваться...

Я поспешно попятилась, вышла из комнаты, прикрыла за собой дверь...

И тут же проснулась.

В комнате было светло, за окном пела какая-то бесхитростная деревенская птица.

Около моей кровати нетерпеливо поскуливал Оська.

Заметив, что я проснулась, он заскулил громче и легонько прихватил меня зубами за руку, потянул с кровати. Теперь скулеж его означал только одно.

– Ну ясно, тебе нужно гулять... – сообразила я. – Извини, я что-то разоспалась...

Я встала, торопливо оделась, вышла в коридор.

Тут я увидела дверь в конце этого коридора... и вспомнила, как шла к этой двери ночью, стараясь не наступать на освещенные луной половицы... и как увидела за дверью хозяина дома, который пел какое-то странное древнее песнопение...

Было ли это на самом деле или приснилось мне, как до того приснилось погоня на берегу великой реки?

Я покосилась на Осю, чтобы в его глазах найти ответ на этот вопрос, но пес не понял меня или сделал вид, что не понял. Ему было не до того.

Мы прошли по коридору в другую сторону и оказались в сенях. Дверь была открыта, стало быть, хозяин уже выходил? Или тут двери не запирают вообще, у них так принято? Это вряд ли, усомнилась я.

Мы вышли на крыльцо, прошли по тропинке, усеянной опавшими листьями, и вышли за калитку.

Я спустила Оську с поводка, и он помчался вперед, радостно взлаивая и подскакивая, как щенок. На улице встретили мы только двух котов, которые при виде Оськи предпочли юркнуть

в кусты, и мрачного мужика с подбитым глазом, который прошел мимо, не взглянув на меня, чему я очень обрадовалась.

Оська свернул между домами, мы вышли к неширокому ручью, поросшему осокой и камышами. В одном месте был подход к воде, и мой красавец, разумеется, бросился туда.

– Оська, не смей! – Я представила, как он бросится в грязную холодную воду, а потом подбежит и станет отряхиваться, рассыпая вокруг брызги. Это его любимая игра. Но не моя.

Оська услышал в моем голосе грозные нотки и остановился. Обнюхал близлежащий откос и спугнул большую водяную крысу. Или ондатру, я толком не разглядела. Был шум, лай, фонтан брызг, в результате чего испугалась только неповрежденная ондатра. После чего я сочла, что пора домой.

Дома по-прежнему никого не было. То есть хозяин, может, и был, но не вышел к нам. Я умылась в кухне под умывальником и решила поразмыслить над своими планами.

Вот я приехала в Петербург, и что теперь? Жить здесь долго я не смогу – обязательно кто-нибудь заинтересуется, начнут приставать с расспросами. Поселок маленький, досужим теткам до всего дело. Пойдут сплетни и разные разговоры. И что мне вообще делать? Когда можно вернуться домой и можно ли это будет вообще?

И хочу ли я вернуться? Потому что после того, что сделала свекровь, ее я точно видеть не желаю. А вот насчет мужа... Ладно, прежде всего следует решить самые насущные вопросы. Так мама говорила, когда я еще в школе училась. Ох, мама, как же мне тебя не хватает! Чем больше времени проходит, тем сильнее я это чувствую. Вот если бы мама была жива, разве я оказалась бы сейчас в такой ситуации? Хотя бы потому, что не вышла бы замуж за Михаила. Он-то еще ничего, смог бы произвести на нее впечатление, но как только увидела бы она мою будущую свекровь – так сразу бы поняла, что никак нельзя с ней породниться. И я ведь тоже это понимала, но отгоняла тогда перед свадьбой такие мысли. Дура, в общем, была, и посоветоваться тогда не с кем было. Элка пыталась меня отговорить, да ее и слушать не стала – сама не замужем, так будешь мне еще советы давать... Вот, кстати, нужно Элке позвонить, узнать, что там в городе творится. Но это потом, а пока нужно купить кое-что из вещей, а то у меня в сумке только смена белья и кое-какие мелочи, без которых в дороге не обойтись. Миша сказал тогда: много вещей не бери, все, что нужно, потом купим. Ага, Миша много чего говорил, а я верила. Но неужели он все-таки сговорился со свекровью, чтобы меня бросить этим бандитам? Никак не могу поверить...

Еще нужно обязательно выкрасить волосы, а то моя рыжая шевелюра привлекает внимание, тут свекровь права. Не могу же я все время ходить в этом берете, он страшный и... как правильно сказать... с чужого плеча? Нет, с чужой головы. У кого бы спросить, где это все можно сделать?

Я вышла из комнаты и осторожно спросила:

– Василий, вы где?

Никто мне не отозвался, только со двора прибежал Оська и дал понять, что на участке никого нет и в доме тоже, он бы знал. Что ж, я доверяю своей собаке, поэтому взяла Оську на поводок и вышла на улицу с намерением спросить первую же попавшуюся женщину, как мне попасть в парикмахерскую и пройти по магазинам.

Вы не поверите, но первая, кто попала мне на пути, была давешняя старушка, та самая, которая привела меня в этот дом. В этот раз она была не в галошах, а в резиновых сапогах и в куртке с капюшоном, а в руках несла корзину, наполненную гроздьями рябины

– Здравствуйте, бабушка! – обрадовалась я.

– Здравствуй, милая! – приветливо сказала она. – Ну как, устроилась у Васи? – Она поставила корзину на землю, намереваясь поболтать.

– Спасибо вам, все хорошо. – Я отогнала Оську, который сунулся в корзину всей мордой, его возбуждали лесные запахи.

– Это я для настойки собираю, – пояснила старушка, – когда рябина морозом хвачена, очень хорошая настойка получается. Ну, спрашивай, что хотела-то, не стесняйся.

В ответ на мои вопросы старушка дала исчерпывающие ответы, что нужно ехать на автобусе в сторону Петербурга до второго поворота на шоссе, там есть большой торговый центр, где все можно найти. Автобусы ходят часто, остановка близко.

– А собачку можешь у меня пока оставить, – предложила она, – потом заберешь.

Я вспомнила, что калитка у Василия не запирается, а между досками забора широкие просветы, так что Оська может в них протиснуться, и согласилась оставить его у старушки. Заодно и корзину ей донесла. Оська стал было упрямяться, когда я уходила, но старушка сказала ему что-то на ухо, и он угомонился.

*Солнце опустилось в желтоватые воды Евфрата, и тут же густая, благоуханная тьма опустилась на город.*

*Вереница жриц и храмовых прислужников вышла из богато украшенного павильона и двинулась к берегу реки.*

*Посреди этой вереницы шли восемь сильных аккадских рабов, которые несли золоченые носилки, накрытые шелковым балдахином.*

*Перед ними четверо стражников несли пылающие смоляные факелы, освещая дорогу, чтобы носильщики не споткнулись и не уронили свою драгоценную ношу.*

*Процессия вышла на берег и остановилась.*

*Жрицы третьего круга вышли вперед и затянули волшебный, волнующий гимн – гимн, призывающий владычицу ночи:*

*– О ты, пресветлая,*

*Прячущая свой лучезарный лик в речном тумане,*

*Явись нам!*

*О ты, могучая,*

*Повелевающая ужасом, прячущимся в ночи,*

*Явись нам!*

*Мы пришли, чтобы воздать тебе славу,*

*Чтобы показать, как преданы мы тебе...*

*Небо над великой рекой начало понемногу светлеть. Из бархатно-черного оно стало темно-лиловым, потом синим, потом в нем проступило серебристое сияние...*

*А потом над горизонтом появился тронутый багровым краешек луны, и огромный, сияющий диск начал подниматься в ночное небо.*

*На темной поверхности реки появилась серебристая дорожка, и вся река тут же вспыхнула, осветилась тусклым серебром, покрылась чудесными лунными узорами.*

*Тут же две старшие жрицы подошли к золоченому паланкину, подняли шелковый полог – и из паланкина вышла дева, укутанная в полупрозрачное покрывало.*

*Воплощение ночной богини.*

*Верховная жрица. Царская дочь.*

*Жрицы помогли принцессе освободиться от драгоценных покровов, и она, прекрасная и нагая, вошла в священные воды Евфрата.*

*Теперь ее украшал только тонкий золотой венец, в который был вставлен удивительный камень – полупрозрачный, тусклого голубовато-серого цвета. В свете пламенеющей луны этот камень начал менять свой цвет, в нем начали проступать багровые прожилки, которые постепенно наполняли его, пока камень не стал багровым, как будто наполненным запекшейся кровью.*

*Шаг за шагом принцесса входила в реку, в серебряное сияние лунной дорожки, понемногу погружаясь в жидкое серебро...*

*Наконец она погрузилась в воду по шею и поплыла по сияющему пути, поплыла прямо навстречу Луне...*

*Навстречу ночной богине, которой она преданно служила всю свою жизнь.*

*И жрицы третьего круга снова запели:*

*– О ты, серебристая,*

*Ты, озаряющая ночь своим благодатным светом,*

*Ты, приводящая к нам*

*Табуны сновидений,*

*Вот ты явила нам свой прекрасный лик!*

*Заклучи же снова священный союз*

*С нашей верховной жрицей,*

*Заклучи союз со всеми нами!*

*Принцесса плыла по лунной дорожке, пока лик луны не поднялся высоко над водами Евфрата.*

*Тогда она повернула назад, к берегу.*

*Ей оставалось плыть совсем немного, когда из толпы жриц и прислужников раздался испуганный крик:*

*– Святотатство! Свершилось святотатство! Посторонний проник на мистерию, чужой взгляд осквернил таинство! Престолюдин увидел неземную красоту принцессы!*

*И правда, среди прибрежных тростников мелькнуло юное лицо, выпученные от удивления и восторга глаза – глаза деревенского юноши, который случайно оказался поблизости и стал невольным свидетелем таинственного обряда.*

*Принцесса вскрикнула, замахала руками...*

*При этом она уронила венец, украшавший ее голову.*

*Кто-то из прислужников принцессы бросился, чтобы поднять венец. Но из-за его неловкости из венца выпал голубовато-серый камень, отлетел в сторону и упал к ногам юного святотатца. Тот поднял камень и сжал его в кулаке.*

*– Схватить его! – воскликнула принцесса неожиданно резким, визгливым голосом. – Схватить святотатца и вернуть камень!*

*Стражники храма бросились в тростники, но через несколько минут вернулись ни с чем.*

*– Прости нас, принцесса! – проговорил их начальник, опустившись на колени перед верховной жрицей. – Мы не нашли святотатца, он сумел скрыться от нас.*

*– Вы – плохие слуги! – сурово ответила принцесса. – Мне ничего не остается, кроме как пустить по его следу человека-тигра!*

*Тут же несколько стражников привели смуглого человека с глазами, горящими красным дьявольским светом, как у голодного тигра.*

*Руки его были скованы.*

*– Ты слышал, – обратилась к нему верховная жрица, – престолюдин нарушил святость таинства, он посмел лицезреть наш священный обряд. Ты знаешь, что наказание за такой грех – смерть. Сейчас мы снимем оковы с твоих рук и дадим тебе свободу до утра. Найди святотатца и приведи казнь в исполнение.*

*– Я сделаю это охотно, владычица! – ответил человек-тигр низким рокочущим голосом.*

*– Я знаю, что сделаешь. Но ты больше никого не убьешь и вернешься в храм раньше, чем наступит рассвет. Иначе тебя постигнет мучительная смерть.*

*– Я знаю, владычица! – повторил тот.*

Стражники боязливо приблизились к человеку-тигру и сняли оковы с его рук. Ноздри его расширились, впитывая ароматы ночи.

Он поднял лицо к луне, как будто переглянулся с ней, и по его телу пробежала судорога.

Человек-тигр оглянулся на стражников храма, на жрицу – и вдруг метнулся в сторону с невероятной для человека ловкостью и прытью. Отбежав к берегу реки, он встал на четвереньки, снова поднял лицо к луне и издал глухое звериное рычание, как будто приветствовал свою истинную владычицу.

Луна озарила его лицо тусклым магическим светом, и от этого света человек-тигр превратился в страшное, фантастическое создание, в котором не осталось уже почти ничего человеческого. Кожа его покрылась темными полосами, рот превратился в звериную пасть, из которой торчали длинные желтоватые клыки.

Человек-тигр повел носом, принюхиваясь, отыскивая среди множества ночных запахов тот единственный, который оставил за собой беглец. Найдя этот запах, он снова зарычал и помчался вперед – на четвереньках, едва касаясь земли.

В прибрежных тростниках послышался шорох.

Это лань проснулась, встревоженная незнакомым и опасным запахом.

Она вскочила и бросилась в сторону... но человек-тигр изменил направление своего бега, в два прыжка настиг лань и мощным толчком свалил ее на землю. Вонзил клыки в шею несчастного животного, перегрыз трепещущую жилу и сделал несколько жадных, торопливых глотков.

Напившись, он поднял глаза к луне и прохрипел, с трудом извлекая из звериной глотки человеческие слова:

– Прости, владычица! Ты знаешь, что в такие ночи я не властен над собой...

Он оттолкнул дрожащее тело лани и снова бросился в погоню за святотатцем.

Он несся огромными скачками, ловко перескакивая одни препятствия и огибая другие.

Впереди послышались осторожные шаги беглеца.

Человек-тигр замедлил шаги, припал к земле, принюхиваясь.

Вот совсем близко треснула ветка...

Человек-зверь метнулся на этот звук, раздвинул ветки...

Перед ним в тусклом свете луны мелькнула гибкая фигура.

Человек-тигр вытянул воздух, согнулся и прыгнул.

И тут случилось непонятное: в том месте, где только что была гибкая фигурка беглеца, теперь больше никого не было...

Человек-тигр опустился на четвереньки, обнюхал землю, запрокинул голову и прорычал, обращаясь к луне:

– Владычица, ты знаешь, что я не властен над собой в такие ночи! За что же ты терзаешь меня?

Он снова услышал треск ветки под чьей-то ногой.

Вот она, добыча!

Человек-тигр метнулся в тростники, увидел гибкую фигуру беглеца и бросился за ним.

Мощным толчком он свалил святотатца с ног и уже наклонился над ним, чтобы перегрызть горло...

Но тут беглец выставил перед собой руку, заслоняясь от страшного преследователя.

Эта тонкая смуглая рука не была препятствием для зверя, но вдруг он увидел в ладони беглеца лунный камень – камень из вена принцессы.

Тут свет багровой луны упал на камень, и тот словно налился густой темной кровью.

Испускаемый камнем свет упал на лицо человека-тигра... и тот внезапно почувствовал, что ярость погони уходит из его тела, что владычица Луна лишает его своего благоволения,

*лишает его сил... оскаленная пасть снова превращается в человеческое лицо, смертоносные когти становятся обычными ногтями, и человек-тигр, наводивший ужас на всех жителей Вавилона, становится обычным, неприметным храмовым прислужником.*

*Он застонал и упал в траву рядом с беглецом.*

Автобус, подсакивая на рытвинах, проехал по улице, свернул на другую. Здесь асфальтовое покрытие было ровнее, и он поехал быстрее, но вдруг затормозил.

– Что такое? – забеспокоилась грузная старуха на переднем сиденье. – Чего встали? Я к врачу опаздываю, к этому... горлоносу.

– Бабка, точно не успеешь к своему врачу! – злобно сказал водитель. – Не видишь – здесь дорога перегорожена! Придется в объезд ехать.

Действительно, впереди поперек улицы стояла машина с надписью «Полиция», около нее толпились несколько человек.

Водитель начал сдавать назад и разворачиваться, но тут от полицейской машины в сторону нашего автобуса быстро пошла какая-то женщина в синей куртке с капюшоном. Она помахала водителю, тот притормозил, открыл переднюю дверь.

Женщина прошла по салону, села недалеко от меня.

Я обратила внимание, что у нее на ногах резиновые сапоги, перемазанные красноватой глиной, ну да, деревня осенью есть деревня, шагни чуть в сторону – и увязнешь по уши в грязи.

Водитель уже хотел закрыть дверь, но в последнюю секунду в нее влезла еще одна женщина, явно местная, деревенская.

Она, тяжело отдуваясь, плюхнулась на сиденье передо мной, повернулась к своей соседке, одетой в новое пальто с меховым воротником, и проговорила оживленно:

– Здравсте, Марья Гавриловна!

– Ну, здравствуй, Нюша, – ответила та с достоинством. – Куда собралась?

– В город, к племяннице. А вы куда?

– В город, за покупками.

– А что ж вы в нашем магазине не закупаетесь? Тут, кажется, все есть, что в городе.

Вспомнив слова Василия, я подумала, что имеется в виду другой магазин. Ну, мне все равно в парикмахерскую нужно, опять-таки лучше не маячить в том поселковом магазине, пойдут разговоры.

– Все-то все, но только у тебя, Нюша, по шестьдесят пять, – начала Марья Гавриловна загибать пальцы. – Даже в том, что за путями, и то по шестьдесят, а в конце красного дома по пятьдесят восемь, а в городе даже по пятьдесят два можно найти. А у вас меньше чем по шестьдесят пять нету...

– По пятьдесят два! – недоверчиво проговорила Нюша. – По пятьдесят два – это уж вы хватили! Этого никак быть не может. Еще по шестьдесят – я могу поверить, но по пятьдесят два...

– А я тебе точно говорю – по пятьдесят два! Я сама видела! А ты мне лучше скажи, что это там такое делается? Отчего там такой шум и полиция толпится?

– Ох, Марья Гавриловна, и не спрашивайте! – Нюша придвинулась к соседке и таинственно понизила голос, но при этом ее все равно мог слышать весь автобус. Глаза ее сверкали, ее буквально распирала волнующая информация.

– И не спрашивайте! – повторила Нюша. – Там такое случилось... такое... представляете, Марья Гавриловна, у нас натуральный марьяк завелся!

– Какой еще моряк? – удивленно переспросила собеседница. – Моряков у нас много... взять хоть Петьку Сыроедова...

– Не моряк, а этот... марьяк, вот!

– Не марьяк, а маньяк! – громко поправила ее женщина в синей куртке с капюшоном. И строго оглядела Нюшу, поджав губы. Нюша, однако, взгляд ее истолковала по-своему.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.